

К.В. Сак
Н.Ю. Пивоваров*

ИЗ КОМБАТАНТА ВЕРМАХТА В СОВЕТСКИЕ АГЕНТЫ:
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КНЯЗЯ Н.М. ГАГАРИНА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЧАСТИЯ РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-12
УДК 94: 335.4“1943”

Выходные данные для цитирования:
Сак К.В., Пивоваров Н.Ю. Из комбатанта вермахта в советские агенты: протокол допроса князя Н.М. Гагарина как источник по истории участия русских эмигрантов в Великой Отечественной войне // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 162–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-12.pdf>

K.V. Sak
N.Yu. Pivovarov*

FROM WEHRMACHT COMBATANT TO SOVIET AGENT:
INTERROGATION PROTOCOL OF PRINCE N.M. GAGARIN
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF PARTICIPATION
OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-12

How to cite:
Sak K.V., Pivovarov N.Yu. From Wehrmacht Combatant to Soviet Agent: Interrogation Protocol of Prince N.M. Gagarin as a Source on the History of Participation of Russian Emigrants in the Great Patriotic War // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 162–187. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-12.pdf>]

Abstract. The publication presents the interrogation protocol of N.M. Gagarin, a former Wehrmacht officer and commander of the 3rd squadron of the 600th Cossack division, who went over to the Smolensk partisans on June 9, 1943. The uniqueness of the document is that to date it is the only known story of a Russian emigrant, a representative of an old princely family, who ended up on the Eastern Front with the Nazi troops, but went over to the Soviet side, and later worked for Soviet intelligence in post-war Europe. The cognitive value of the interrogation protocols is disputed in the research community. However, to date it is the only historical source that not only helps to more fully reconstruct the facts of Gagarin's biography, but also allows one to see, through the prism of personal history, the worldview attitudes common among the Russian emigration during the Second World War. In the interrogation protocol, Gagarin gives a detailed account of his pre-war past, in particular his training and service in the Yugoslav royal troops, and later his voluntary transfer to the Wehrmacht in June 1941 to fight the Soviet regime. The document contains indicative characteristics of the leaders of the collaborationist movement, in particular A.A. Vlasov and I.N. Kononov, as well as the specifics of the training of collaborationist military formations. By order of the German command, Gagarin fought the partisan movement in the occupied Smolensk region. Close acquaintance with Soviet life changed the prince's worldview, influenced his desire for peace and became the main reason for his transfer to the Soviet side.

Keywords: The Great Patriotic War, emigration, N.M. Gagarin, collaborationism, Resistance movement, NKGB.

* **Ксения Васильевна Сак**, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: ksenia.sak@gmail.com

Kseniya Vasilevna Sak, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: ksenia.sak@gmail.com

Никита Юрьевич Пивоваров, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Nikita Yurievich Pivovarov, Candidate of Historical Sciences, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

The article has been received by the editor on 01.10.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В публикации представлен протокол допроса Н.М. Гагарина – бывшего офицера вермахта и командира 3-го эскадрона 600-го казачьего дивизиона, перешедшего 9 июня 1943 г. на сторону смоленских партизан. Уникальность документа состоит в том, что на сегодняшний день это единственная известная история русского эмигранта, представителя старинного княжеского рода, попавшего на Восточный фронт вместе с нацистскими войсками, но перешедшего на советскую сторону, а позднее работавшего на разведку СССР в послевоенной Европе. Познавательная ценность протоколов допросов оспаривается в исследовательской среде. Однако на сегодняшний день это единственный исторический источник, который не только помогает полнее восстановить факты биографии Гагарина, но и позволяет через призму личной истории увидеть мировоззренческие установки, распространенные в среде русской эмиграции в годы Второй мировой войны. В протоколе допроса Гагарин подробно рассказывает о своем довоенном прошлом, в частности об обучении и службе в югославских королевских войсках, а позже о добровольном переходе на службу вермахта в июне 1941 г. для борьбы с советской властью. В документе фигурируют показательные характеристики руководителей коллаборационистского движения, в частности А.А. Власова и И.Н. Кононова, а также особенности подготовки коллаборационистских военных формирований. По приказу немецкого командования Гагарин боролся с партизанским движением на территории оккупированной Смоленской области. Близкое знакомство с советской жизнью изменило мировоззренческие установки князя, повлияло на его стремление к миру и стало главной причиной его перехода на советскую сторону.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эмиграция, Н.М. Гагарин, коллаборационизм, движение Сопротивления, НКГБ.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Участие белоэмигрантов во Второй мировой войне много лет привлекает внимание исследователей. Интерес связан с многоплановостью этого феномена. В нем переплетаются различные контексты военной и социальной истории, отражается многообразие судеб бывших русских подданных. Известно, что общая численность эмигрантов, воевавших в рядах вермахта и союзнических армий, составляла от 12 до 20 тыс. чел.¹ Обстоятельства их отправки на Восточный фронт и службы подробно разработаны в отечественной историографии². Менее исследован вклад эмигрантов в антифашистское движение Сопротивления³. В центре внимания историков, как правило, находятся наиболее яркие и активные

¹ Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. М., 2000. С. 59.

² Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М., 2005; Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005; Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма. М., 2011; Между Россией и Сталиным: Русская эмиграция и Вторая Мировая Война. М., 2004; Огороков А.В. Русская эмиграция: Политика, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М., 2003; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; и др.

³ Живанович М. Югославская научная литература об участии русских эмигрантов в движении Сопротивления // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. № 12. С. 21–27; Горинов-мл. М.М. Русские эмигранты в движении Сопротивления во Франции: современная российская историография // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. № 12. С. 28–37; Сак К.В. Награждения участников движения Сопротивления в Бельгии в контексте публичной дипломатии СССР в годы холодной войны [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13,

на общественном поприще белоэмигранты. Вместе с тем подавляющее большинство имен и биографий русских участников Второй мировой войны остается неизвестным. Одна из причин – неполная источниковая база, введенная на сегодняшний день в научный оборот. В этом контексте уникальным документом является протокол допроса князя Николая Михайловича Гагарина (1913–?), датированный 20 августа 1943 г.

Накануне Второй мировой войны наибольшую общественную активность в эмиграции проявляли организации бывших офицеров царской армии, крупнейшей из которых был Русский общевоинский союз. Многие представители старшего поколения, участники Гражданской войны, воспринимали нападение Германии на Советский Союз как возможность взять реванш и уничтожить большевизм, вернуть утраченный мир дореволюционной России. Представители младшего поколения, детьми увезенные родителями из России, хотели увидеть Родину своими глазами. Однако германское правительство к участию русских эмигрантов в войне относилось скептически и 30 июня 1941 г. приняло решение не мобилизовать бывших подданных царя на Восток. Положение изменилось осенью, когда на фронте стала ощущаться острая нехватка переводчиков. С этого времени их специальным отбором занималось Управление делами русской эмиграции в Германии (УДРЭ), которое возглавлял В.В. Бискупский. Подготовку русских добровольцев осуществляли Главное командование сухопутных войск вермахта (ОКХ) и германская военная разведка и контрразведка.

Обстоятельства попадания князя Гагарина на Восток были в целом типичными – в июне 1941 г. он как офицер Югославской королевской армии находился в лагере для военнопленных, откуда подал прошение на направление его на Восточный фронт. Спустя некоторое время он попал в сферу интересов УДРЭ, прошел специальную диверсионную подготовку и в качестве переводчика отправился на захваченные территории СССР. Всего там находилось в качестве переводчиков около 1 200 русских эмигрантов⁴. В конце мая 1942 г. Гагарин в составе группы белоэмигрантов прибыл Смоленск, где поступил в распоряжение генерала Максимилиана фон Шенкендорфа, командующего военной областью «Митте» тылового района группы армий «Центр». Князю до некоторой степени повезло, потому что уже 27 июня 1942 г. германское руководство запретило мобилизовывать эмигрантов.

Гагарин был распределен в казачий эскадрон И.Н. Кононова. В октябре 1942 г. это боевое подразделение было переформировано в 600-й отдельный казачий дивизион, который был включен в состав немецкой 286-й охранной дивизии («Рихерт»). В качестве командира отдельного казачьего взвода Гагарин в 1942–1943 гг. принимал непосредственное участие в крупномасштабных антипартизанских операциях «Адлер», «Карлсбад», «Зимний лес» и получил в награду бронзовый крест с мечами.

Однако непосредственное знакомство с советскими людьми и возникшее ощущение Родины побудили князя дезертировать и вести борьбу за мир на стороне советских партизан. 9 июня 1943 г. он перешел на сторону советских партизан, был задержан и допрошен партизанским командованием 11 июня. Первое сообщение о переходе Гагарина поступило советскому руководству 18 июня от начальника центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко. Записка заканчивалась словами: «Полагая, что такой человек может представить интерес для НКВД или Разведупра, дал указание о доставке его в Москву». Затем он был направлен в Москву, где 20 августа 1943 г. в стенах НКГБ начальник IV управления П.А. Судоплатов, отвечавший за террор и диверсии в тылу противника, заместитель начальника следственной части по особо важным делам Л.Л. Шварцман и начальник 2-го отдела IV управления НКГБ СССР М.Б. Маклярский провели допрос задержанного. 14 сентября руководитель госбезопасности В.Н. Меркулов направил Сталину протокол

№ 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021114-4-1/> (дата обращения: 29.09.2024); Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴ Бэйда О.И. Русские эмигранты-переводчики вермахта на Восточном фронте. 1941–1943 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 183–190.

и сопроводительную записку. Резюмируя, он выразил мнение, что Гагарина после дополнительной проверки целесообразно использовать в тылу врага.

Дальнейшие следы бывшего белоэмигранта теряются. Позднее сведения о нем появятся в воспоминаниях П.А. Судоплатова. По его словам, Гагарин в качестве тайного агента служил в армии Власова. После войны проживал во Франции, где «в его задачу входило создание базы для диверсионных действий в морских портах и на военных аэродромах, а также группы боевиков, которые в случае войны или усиления напряженности вдоль наших границ были бы в состоянии вывести из строя систему коммуникаций и связь штаб-квартиры НАТО, находившейся в Фонтенбло»⁵. Косвенные данные дают возможность предположить, что Гагарин действительно находился в подчинении у мемуариста. В ходе чисток в госбезопасности по «делу Берии» в августе 1953 г. Судоплатов был арестован. Из ответа ФСБ на запрос о Н.М. Гагарине, полученного авторами публикации, следует, что 19 ноября 1954 г. он также подвергся аресту КГБ и 18 мая 1955 г. осужден по статье 58-4 УК РСФСР за участие в «буржуазных организациях» против СССР. Николай Михайлович Гагарин был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях на 6 лет. По данным Готского альманаха⁶, в 1960-х годах он вышел на свободу, о чем косвенно свидетельствует рождение у него дочери Ирины в Москве в 1965 г. Затем Гагарин эмигрировал в США, где скончался в 2011 г.⁷

На сегодняшний день использование протоколов допросов сталинского периода в качестве исторических источников вызывает в исследовательской среде обоснованные дискуссии⁸. Ряд авторов считают, что пытки, применявшиеся к допрашиваемым, а также повсеместная фальсификация данных служат компрометирующим основанием для такого рода документов. Единственный сохранившийся протокол допроса Н.М. Гагарина не дает информации о том, подвергался ли князь пыткам или какому-либо давлению со стороны следствия. Однако отсутствие данных об уголовном деле в отношении Гагарина и позднейшие свидетельства о его сотрудничестве со спецслужбами позволяют выдвинуть предположение о подлинности данных, представленных в протоколе допроса.

Протокол допроса Н.М. Гагарина представляет собой второй машинописный экземпляр, заверенный только достоверительной подписью заместителя начальника следственной части по особо важным делам НГКБ СССР, полковника госбезопасности Л.Л. Шварцмана. При этом в протоколе отсутствуют подписи самого Гагарина как на каждом листе, так и в конце протокола, как это полагалось в подобных документах. Каких-либо правок в протоколе нет, однако в некоторых местах присутствуют пометы красным карандашом на полях, сделанные, вероятно, И.В. Сталиным при чтении. На первом листе протокола допроса была вклеена черно-белая фотография князя.

Этот документ был недавно рассекречен. Он сохранился в архивном деле Политбюро ЦК в тематической группе «Госбезопасность», в подразделе, посвященном русской эмиграции. Протокол ранее не публиковался. Однако с сопроводительной записки наркома госбезопасности В.Н. Меркулова от 14 сентября 1943 г. № 2014/м на имя И.В. Сталина, а также с первого листа протокола допроса Д.А. Волкогоновым, вероятно, в 1993–1994 гг., была изготовлена ксерокопия для личного архива. После смерти Волкогонова его архив был продан семьей представителям американского правительства, а позднее отсканированные документы, включая протокол допроса Н.М. Гагарина, были выложены на сайте Архива национальной безопасности США⁹.

При публикации документа все подчеркивания передаются графически. Содержание опущенных в тексте фрагментов передавалось через квадратные скобки [...]. Авторские

⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: воспоминания опасного свидетеля. М., 2019. С. 283.

⁶ URL: <https://www.angelfire.com/realm/gotha/gotha/gagarin.html> (дата обращения: 1.09.2024).

⁷ Благодарим канд. филос. наук Д.А. Аникина за предоставленные сведения.

⁸ Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 2. С. 376–399.

⁹ The National Security Archive [Электронный ресурс]. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/1941-45/1943.09.14%20Memorandum%20on%20N.M.%20Gagarin,%20Volkogonov%20Papers.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

примечания отмечены в подстрочных комментариях курсивом. В ряде случаев составители прибегали к необходимой эмендации без оговорок. Ряд упомянутых в протоколе имен не удалось идентифицировать. Отчасти это связано с тем, что фамилии могли быть непреднамеренно искажены.

* * *

Протокол допроса Н.М. Гагарина

20 августа 1943 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ГАГАРИНА Николая Михайловича

От 20-го августа 1943 года

Гагарин Н.М., 1913 года рождения, уроженец г. Петергоф, сын бывш[его] князя, белоэмигрант, до вступления в германскую армию проживал в Югославии, лейтенант немецкой службы, бывш[его] командир взвода 600-го белоказачьего полка¹, 9-го июня т.г. перешел на сторону Красной Армии.

Вопрос: 9-го июня 1943 года в деревне Осередок² Осиповического района Могилевской области, близ расположения партизанского отряда, вы появились в форме офицера германской армии и с вами еще пять вооруженных солдат, при задержании назвавших себя рядовыми 600-го белоказачьего полка.

Чем было вызвано ваше появление в районе расположения партизан?

Ответ: Будучи командиром взвода 600-го белоказачьего полка, входившего в состав немецкой дивизии «Рихард»³, я давно помышлял о переходе с оружием в руках на сторону Красной Армии и, зная по роду своей службы, что возле деревни Осередок располагаются партизаны, 9-го июня т.г. в сопровождении пяти заранее подготовленных мною казаков свое намерение осуществил.

До этого 1 июня т.г. на сторону Красной Армии, в результате проведенной мною работы, перешло девять казаков нашего взвода, а после меня, к исходу дня 9-го июня, ^aеще двое, всего же 16 человек. Перед побегом мы захватили с собой 5 ручных пулеметов, 16 винтовок, автомат, ротный миномет, 2 пистолета, 8 гранат, 2 000 шт. патрон[ов] и все это вручили партизанам^a.

Вопрос: Прежде чем подробно изложить мотивы, побудившие вас к переходу на советскую сторону, и обстоятельства побега из германской армии, расскажите свою биографию?

Ответ: Я родился 20-го июля 1913 года в Петергофе. Мой отец – бывш[ий] князь Гагарин Михаил Сергеевич⁴ служил в кавалергардском полку в последнем чине – полковника и владел имениями в Рязанской и Тульской губерниях. Из рассказов матери мне известно, что после февральской революции отец участвовал в заговоре против Керенского⁵, а позже – в создании на Дону добровольческой армии⁶. В 1918 году в г. Краснодаре отец арестовывался как активный белогвардеец, бежал из тюрьмы, был ранен и умер в пути.

Моя мать – бывш[ая] княгиня Гагарина Мария Александровна⁷, урожденная графиня Мусина-Пушкина состояла при царском ^bдворе городской фрейлиной, с 1919 года находится в эмиграции в г. Нью-Йорк (США), живет на средства от уроков французского ^bязыка и музыки, которые она дает детям богатых американцев, располагает значительным кругом знакомств среди русских белоэмигрантов, поселившихся в Америке.

Вопрос: Кто еще из ваших родственников проживает за границей?

Ответ: Мой дядя (брат отца) – бывш[ий] князь Гагарин Александр Сергеевич⁸, 65-ти лет, в царской армии служил ротмистром кавалергардского полка, после войны

^{a-a} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{b-b} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

1914–1918 гг. эмигрировал за границу, во Францию и женился на ^вбогатой англичанке, проживает в собственной вилле в г. Канны, поддерживает близкие связи с французскими аристократическими кругами и представителями дома Романовых^в.

Мой дядя (по матери) – бывш[ий] граф Мусин-Пушкин Николай Александрович⁹, 50-ти лет, в прошлом офицер кавалергардского полка, в настоящее время – германский подданный, после революции из России эмигрировал в Австрию, с началом военных действий Германии против СССР направился на фронт переводчиком, но вскоре возвратился, и, судя по письмам ко мне, датированным концом 1941 года, остался чем-то недоволен, так как советовал мне хорошенько подумать, прежде чем принять решение о поездке в состав действующей германской армии на Восточный фронт.

Муж моей тетки (по матери), урожденной Мусин[ой]-Пушкиной И.А.¹⁰ – Кочубей Николай¹¹, 48-ти лет, на Украине сотрудничал с гетманом Скоропадским¹² и, опасаясь репрессий, эмигрировал в г. Брюссель (Бельгия), где продолжал работать в т.н. «Украинской Громаде»¹³.

Николай Кочубей в 1928 году, когда я находился в Брюсселе (где обучался в бухгалтерской школе), неоднократно ездил с гетманом Скоропадским в Берлин для переговоров с германским правительством от имени ^г«Украинской Громады», которая, кстати, по словам того же Кочубея, пользовалась постоянными денежными субсидиями от немцев^г.

Вопрос: Где в настоящее время находится Николай Кочубей?

Ответ: В Брюсселе. Судя по письмам ко мне Кочубея, в начале войны СССР с Германией он собирался выехать в действующую германскую армию переводчиком, но вскоре от мысли о поездке на восточный фронт, по неизвестным мне причинам, отказался.

В Брюсселе также проживает вторая сестра матери – Кочубей Любовь Александровна¹⁴, лет 56-ти, была замужем за Кочубеем Петром¹⁵, расстрелянным в Киеве в 1917 или 1918 гг., имеет сына Василия¹⁶ (шофер) и дочь Ольгу (замужем за ^абельгийским инженером), находится в близких отношениях с семьей генерала Врангеля¹⁷, поддерживает знакомство с брюссельской^а аристократией, враждебно настроена к СССР.

Сестра отца – бывш[ая] баронесса Кноринг Лидия Сергеевна, урожденная Гагарина, 75-ти лет, проживала в Белграде, в 1942 году переехала в Вену, а сейчас находится в Познани (Польша), у родственника своего мужа, некоего Шульман (имени-отчества не знаю), который, по моим впечатлениям, связан с национал-социалистами.

В 1935 году, во время моего приезда в отпуск в ^еБелград, Кноринг мне рассказывала, что еще до революции она была знакома с бароном Маннергейм[ом]¹⁸, судя по ее постоянным высказываниям, настроена враждебно к Советскому Союзу^е.

Вопрос: Братья и сестры у вас есть?

Ответ: У меня имеются два младших брата: Алексей и Дмитрий.

Алексей, 27-ми лет, во Франции окончил колониальную агрономическую школу¹⁹, в 1931 или 1932 гг. выехал к матери в Америку, окончил военное училище и в настоящее время служит офицером в американской армии, женился на русской ^еэмигрантке, завел ферму, в свое время, по его письмам, датированным 1939 годом, являлся чемпионом г. Вирджиния по фехтованию^е.

Вопрос: С братом вы переписывались?

Ответ: До середины 1941 года. Когда же я написал брату в Америку о своем намерении, в связи с войной вступить добровольцем в германскую армию, Алексей, как я полагаю, осудив меня, переписку вовсе прекратил.

Второй брат – Дмитрий, 26-ти лет, также является офицером американской армии, как и Алексей, со мной переписку прервал, по-видимому руководствуясь высказанной

^{в-в} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{г-г} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{а-а} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{е-е} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{е-е} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

им однажды, в письме ко мне в конце декабря 1941 года, неприязнью ко всем, кто, вопреки совести, дерется против своей родины.

Иначе настроен был мой двоюродный брат (по отцу) – Раевский Сергей Михайлович²⁰, 34-х лет.

Вопрос: Как это понимать?

Ответ: Сергей Раевский с начала войны Германии против СССР поступил переводчиком в германскую армию и пропал без вести под Москвой во время зимнего наступления Красной армии 1941–42 гг. Между тем, брат Раевского – Михаил, 29-ти лет, инженер авиации, в рядах французской армии дрался против немцев и находится сейчас в германском лагере для военнопленных.

Я назвал только близких родственников, проживающих *за границей, но у меня имеются и дальние родственники, находящиеся во Франции, Америке, Югославии и других странах, ибо мою семью эмиграция разметала по всему свету*.

Вопрос: А теперь покажите подробно об обстоятельствах, при которых сами вы эмигрировали за границу?

Ответ: Со слов матери, в 1919 году, когда мне исполнилось шесть лет, а двум остальным братьям три и два года, наша семья, в момент приближения Красной армии к Крыму, вместе с семьей Раевских и братом отца – Гагариным А.С. по распоряжению знакомого французского адмирала из Ялты была эвакуирована в Севастополь на французском миноносце «Ла Скарп»²¹ и далее, в Константинополь – на французской канонерской лодке «Ла Каприсиоз».

Вопрос: Следовательно, детство вы провели в Турции?

Ответ: В Турции и во Франции. До 1924 года я учился в начальной школе на Принцевых островах, затем в английском колледже для русских в Буюк-Дерэ на Босфоре²² и, наконец, в Эркенкейе²³, куда был переведен этот колледж.

В 1924 году моя семья переехала в Ниццу (Франция), и в течение трех лет я учился в средней школе, после чего поступил на бухгалтерские курсы и окончил их в 1929 году. К этому времени, ввиду материальных затруднений, мать, а вскоре и оба брата, выехали в Америку, а я – в Брюссель (Бельгия).

Вопрос: Почему вы не уехали вместе с матерью в Америку?

Ответ: В семье было решено, что я поеду к тетке – Ирине Кочубей, продолжать образование.

Мои родственники, однако, вскоре нашли, что я избрал недостойный путь, спутался с «вольномыслящими»³ молодыми людьми, и для устранения обнаружившихся «изъянов» в моем воспитании в 1929 году направили меня в белоэмигрантский³ Донской кадетский корпус²⁴, в Югославию.

В 1934 году, по окончании кадетского корпуса, я был определен в югославское военное училище²⁵, окончил его в 1937 году и в чине лейтенанта получил назначение командиром взвода 1-го Альпийского стрелкового полка²⁶. В момент нападения Германии на Югославию (апрель 1941 года) я являлся командиром минометной роты того же Альпийского полка.^иМоя служба в югославской армии закончилась лагерем для военнопленных, в который в мае 1941 года я был заключен немцами^и.

Вопрос: В показаниях от 11-го июня т.г. вы заявили о вашей кратковременной связи с югославской разведкой. Кем и при каких обстоятельствах вы были привлечены к сотрудничеству с разведывательными органами Югославии?

Ответ: Осенью 1939 года в г. Любляна, где располагался тогда первый Альпийский батальон, в «Офицерском доме» я познакомился с помощником следователя Дравской дивизии²⁷ по фамилии, насколько припоминаю, Дмитриевич.

^{ж-ж} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

³⁻³ Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{и-и} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Наши отношения на первых порах не выходили за рамки обычных приятельских, но однажды с Дмитриевичем я поделился своими впечатлениями о подозрительном поведении командира батальона, майора Петра Вайович, который постоянно общался с мобилизованными в югославскую армию офицерами германского происхождения, участниками «Культурбунда»²⁸, ориентировавшегося, как известно, на фашистскую Германию.

Вопрос: Как отнесся к вашему сообщению Дмитриевич?

Ответ: Изложенным мною фактам Дмитриевич придал серьезное значение и заявил, что дружба Вайовича с немцами может плохо кончиться, поэтому мне следует присмотреться и изучить компанию, в которой проводит время командир батальона.

На мое возражение, что для того и существует разведка, а мое дело лишь воинская служба, Дмитриевич разъяснил, что долг каждого офицера – борьба с иностранным шпионажем и предотвращение возможной измены со стороны неустойчивого и враждебного государству элемента.

Дмитриевич продолжал настаивать на своем, и я согласился помочь в организации наблюдения за немцами, пытавшимися из каких-то побуждений подчинить своему влиянию Вайовича.

Вопрос: Ваше сотрудничество с разведкой было скреплено каким-либо документом?

Ответ: Обычной в этих случаях подписки (что известно мне из прочитанной литературы о методах разведок), я не давал и только согласился с предложением Дмитриевича – при очередных встречах в «Доме офицера» сообщать ему о поведении немцев, а если мне станут известными факты, заслуживавшие особого внимания, донесения представлять в письменном виде.

Вопрос: За вымышленной подписью?

Ответ: Нет. Предоставленные мною в конце 1939 года два донесения я подписал: лейтенант Гагарин.

Вопрос: О чем вы сообщали?

Ответ: Я писал о служивших в батальоне немцах – югославских подданных («Фольксдейче»), сообщая, что в случае войны с Германией они, вероятно, изменят Югославии, попытаются тайно внести дезорганизацию в армию или даже прибегнуть к открытым действиям в пользу противника.

Кроме того, в письменной форме я донес об одном ефрейторе – немце (фамилии не помню), дезертировавшем из батальона, и о втором, тоже ефрейторе, по фамилии не то Косс, не то Вульф, открыто ведущем пропаганду в пользу Германии. По моему сообщению второй ефрейтор был уволен из альпийского батальона и переведен на службу в удалении от германской границы, в Южную Сербию.

Вопрос: Связь с югославской разведкой вы поддерживали до последнего времени?

Ответ: Нет. По прошествии не более двух месяцев моего сотрудничества с разведкой связь была прервана.

Вопрос: По какой причине?

Ответ: В югославской армии существовал порядок, запрещавший офицерам без специального разрешения отлучаться из гарнизона на расстояние свыше 15-ти километров. Для того, чтобы облегчить мне наблюдение за подозреваемыми в шпионаже немцами и, в случае необходимости, иметь возможность проследовать за пределы дозволенных 15-ти километров или побывать в запрещенных для посещения офицеров ресторанах, Дмитриевич выдал мне официальную записку со штампом Дравской дивизии, в которой было сказано, что я действую по приказанию помощника следователя. Между тем, предоставленным мне разрешением я воспользовался в личных интересах, ввиду чего Дмитриевич, по-видимому, получив нахлобучку от своего начальства, отказался от связи со мной.

Вопрос: Непонятно, почему допущенный вами проступок мог послужить основанием для прекращения связи?

Ответ: Я показываю так, как было в действительности. В последних числах сентября или в начале октября 1939 года на собственном мотоцикле я направился километров на пять-

десять от г. Любляны по направлению к г. Тержиг, к знакомой девушке по имени Эда, но по дороге наскочил на телегу, в связи с чем подвергся задержанию полицией, потребовавшей от меня предъявить документы.

Совершив самовольную отлучку из гарнизона, я решил воспользоваться имевшейся у меня справкой от Дмитриевича, полагая, что на том дело и кончится, но полицией был составлен соответствующий акт и направлен в дивизию.

Дмитриевич за злоупотребление предоставленным в мое распоряжение пропуском поставил мне на вид и объявил, что деловую связь со мной прекращает.

Вопрос: Вряд ли сравнительно незначительный эпизод с использованием полученного вами документа не по назначению мог послужить поводом для прекращения с вами связи по разведывательной работе. Вы что-то путаете?

Ответ: В моих словах нет вымысла. Видимо, моя работа не удовлетворяла Дмитриевича, поэтому он без сожаления пошел на разрыв нашей связи.

Вопрос: После 1939 года югославской разведкой были предприняты попытки возобновить ваше сотрудничество?

Ответ: Связь была прервана окончательно, и никто в дальнейшем не пытался ее восстановить, хотя я и продолжал служить в югославской армии, вплоть до ее капитуляции²⁹ в результате столкновения с германской армией.

Вопрос: Вы служили в одном и том же – первом Альпийском полку?

Ответ: Да, но 13-го апреля 1941 года возле местечка Мирно (Словения) солдаты и офицеры Альпийского полка, преобразованного во время войны с Германией в Триглавский горный отряд³⁰, по приказу нашего командира, генерала Люкича³¹, были распущены по домам. Я попытался на мотоцикле прорваться из окружения, в котором находилась югославская армия, но безуспешно, и тогда, переодевшись в штатскую форму, я направился в г. Лития к своей невесте, дочери железнодорожного служащего Розике Кос.

Скрываться, однако, у Розики, не имея средств к существованию, я долго не мог и, по истечении 9-ти дней пребывания в семье Кос, по просьбе опасавшегося репрессий брата моей невесты, явился в немецкую полевую комендатуру в г. Целье³² и заявил о своей службе в югославской армии.

Комендант в сопровождении немецкого капитана направил меня в эшелон военнопленных, следовавший в Германию, и 29-го апреля 1941 года я был доставлен в г. Варбург (Вестфалия), где водворен в офицерский лагерь «VI-Б»³³.

Вопрос: Каков был состав заключенных, содержащихся в лагере «VI-Б»?

Ответ: ^{й-й}В лагере находилось до четырех тысяч офицеров югославской армии и около ста генералов, причем старшим по лагерю являлся бывший югославский военный министр, генерал Трифунович^{34-й}.

23-го июня того же 1941 года я подал заявление начальнику лагеря о зачислении меня добровольцем в состав германской армии, действовавшей на Восточном фронте.

Вопрос: Стало быть, вы хотели с оружием в руках бороться против СССР?

Ответ: У меня на этот счет были свои соображения.

Вопрос: Какие?

Ответ: Разрешите для ясности изложить мотивы, побудившие меня к подаче заявления о посылке на Восточный фронт.

Вопрос: Говорите.

Ответ: С детства мне прививалась ненависть ко всему советскому. Я был воспитан в реакционно-монархическом духе, но, рано оторвавшись от семьи и будучи предоставлен самому себе, стал сомневаться – верно ли то, что мне о советской власти со злобой твердили родные и знакомые, словом, хотел самостоятельно разобраться во всем, что делалось на родине.

Должен добавить, что с детства, во Франции, Бельгии и Югославии меня не оставляло чувство изгнанника, и я мечтал вернуться в Россию.

^{й-й} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

С войной впервые представилась реальная возможность попасть на родину, и хотя бы в результате общения с советскими людьми на оккупированной территории создать живое непосредственное впечатление, что из себя представляет советский строй, что он принес России. Мысль о поездке на родину под благовидным предлогом записи добровольцем в германскую армию созрела у меня уже в первые дни объявления Германией войны СССР. Подавая заявление, я одновременно допускал мысль о переходе на сторону Красной Армии в том случае, если бы убедился во лживости антисоветской немецко-фашистской и белогвардейской пропаганды.

Вопрос: Просьба о зачислении вас в состав германской армии была удовлетворена?

Ответ: Да, но значительно позже, лишь в мае 1942 года.

Вопрос: Очевидно, по истечении 11-ти месяцев с момента подачи заявления вы сумели убедить немцев на деле, что вам можно доверить оружие для борьбы против советского государства?

Ответ: Прошу мне верить, что ничего существенного для немцев я не сделал, но на словах действительно проявлял себя их горячим сторонником; изучал немецкий язык, ознакомился с книгой Гитлера «Моя борьба» и внешне до такой степени демонстрировал свои симпатии к фашизму, что от меня, как от изменника, в скором времени отшатнулись товарищи по полку, югославские офицеры.

Вопрос: В лагере «VI-Б» вы содержались вплоть до поступления в германскую армию?

Ответ: Нет. В первых числах сентября 1941 года я, как и остальные русские эмигранты, находившиеся в лагере «VI-Б», был переведен в лагерь – «IV-Ц»³⁵, в г. Кольдиц (Саксония).

Вопрос: Для кого был предназначен лагерь – «IV-Ц»?

Ответ: За исключением нескольких французов и бельгийцев, в лагере содержались только русские белоэмигранты, бывшие офицеры французской, польской и югославской армий, общей численностью до 200 человек.

Русские размещались в привилегированных условиях, в здании бывшего ресторана «Шутцен-хауз», расположенного в городском парке. Обращение с содержащимися в «Шутцен-хаузе» было вежливое, по субботам нас водили даже в кинотеатр, на специальные сеансы для военнопленных. Желавшие могли участвовать в полевых работах, чем я воспользовался, и около двух месяцев проработал в деревне Шенбах, в имении богатого крестьянина, немца Бальман.

В октябре 1941 года прибывшей в лагерь комиссии из представителей русских (казачьих), украинских и белорусских организаций, вербовавших пленных на свою сторону, я дал согласие записать себя в украинцы.

Вопрос: Разве в действительности вы – украинец?

Ответ: Хотя к украинцам меня отнести нельзя, для комиссии было достаточно того, что моя мать родилась в Киеве и близким родственником являлся Кочубей.

В декабре 1941 года вместе с украинской группой я был определен в лагерь «Вуец» под Берлином, в январе 1942 г. переведен в лагерь «Цитенхорст»³⁶ и в конце марта того же 1942 года переброшен в лагерь «Лихтенфельде-Зюд»³⁷, что в предместье Берлина.

Вопрос: Чем объяснить столь частую переброску вас из одного лагеря в другой?

Ответ: Перевод военнопленных из одного лагеря в другой немцами практикуется постоянно, очевидно, во избежание возможного побега и для более тщательной проверки и изучения настроений заключенных.

В последнем из лагерей, где я побывал, – «Лихтенфельде-Зюд» содержались: французы, 50 русских белоэмигрантов и 15 пленных индусов из английской армии, всего до тысячи человек.

В лагере также находились: англичанин в чине капитана, с которым почему-то было запрещено разговаривать, и ^кофицер советского Военно-морского флота, капитан-лейтенант Андреев (фамилия, вероятно, вымышленная), лет 32-х^к, пользовавшийся всеми удобствами и проживавший в особом помещении при карауле.

^{кк} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Вопрос: Что вам известно об Андрееве?

Ответ: Андреева я обучал французскому языку и часто с ним беседовал. По рассказам Андреева, его отец – русский адмирал был расстрелян большевиками, а сам он в СССР скрывался под чужой фамилией, окончил советскую военную ^л-академию, дважды награждался, первый орден Красного Знамени, с его слов, получил на Дальнем Востоке, а второй – в Испании^л. На гимнастерке Андреева действительно были видны следы орденов.

Андреев говорил мне, что до 1941 года он руководил школой разведчиков на черноморском побережье, а во время войны, воспользовавшись порученной ему морской десантной операцией под Ленинградом, сдался немцам в плен.

Немцы, якобы знавшие его ранее, сразу же предложили сотрудничество с ними, Андреев согласился и на самолете был доставлен в район Николаева.

Вопрос: Зачем?

Ответ: По словам Андреева, он помог немцам в разработке операции по взятию Николаева, после чего был направлен в Берлин. Описание десантной операции, неудачно проведенной под Ленинградом, Андреев – с его слов – направил в редакцию издающейся в Берлине русской белоэмигрантской газеты «Новый путь»³⁸.

Как-то Андреев поделился со мной, что хорошо знает радиотехнику, имеет в этой области свои изобретения и в свое время являлся чемпионом СССР по приему знаков по ^мрадио.

В 1937 году Андреев якобы вместе с другими представителями советского Военно-морского флота присутствовал на коронационных торжествах в Англии^м.

Вопрос: Известно ли вам, чем занимался Андреев в лагере?

Ответ: В лагерь к нему часто приезжали немцы в штатском и в форме, судя по автомобилям представители верховного командования армии и флота.

Не менее раза в неделю Андреев в штатском костюме уходил в город с сопровождающим. В одну из последних встреч со мной в первой половине 1942 года он рассказал, что разрабатывает рискованную операцию не то в Северном, не то в Средиземном море и по окончании ее, в случае успеха, приступит к созданию в Швейцарии школы разведчиков, для которой сам подберет людей и направится с ними в Южную Америку, но соответствует ли это сообщению действительности, – утверждать не берусь.

Андреев пытался и меня увлечь рассказами о приключениях разведчиков в Америке и предложил сотрудничать с ним, но я отказался, сославшись на то, что являюсь кадровым строевым командиром и не интересуюсь работой в разведке.

Вопрос: Так ли это?

Ответ: Я показываю правду. Согласия Андрееву на сотрудничество с немцами я не давал, а он мой отказ принял и только просил никому никогда не передавать содержание наших переговоров. В конце апреля 1942 года Андреев из лагеря выехал в неизвестном направлении, и больше я его не видел.

В первых числах мая того же 1942 года вместе с 50-ю русскими эмигрантами, согласившимися вступить в германскую армию, я был освобожден из лагеря «Лихтерфельде-Зюд» и доставлен в Берлин.

Вопрос: Очевидно, вас освободили после того, как немцам вы представили убедительные доказательства своей верности и готовности сражаться против СССР?

Ответ: Конечно, меня считали врагом советской власти, иначе на Восточный фронт я не был бы послан. Немцев мне удалось обмануть.

Вопрос: Не вернее ли полагать, что по прямому заданию немцев вы пытаетесь теперь ввести в заблуждение советские органы, скрывая действительные мотивы своего перехода на сторону Красной армии?

Ответ: Я хочу бороться за Россию, против немцев, – вот единственный мотив моего перехода на сторону Красной армии.

^{л-л} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^{м-м} Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Вопрос: Уточните, сколько времени вы находились в Берлине?

Ответ: Две недели. В Берлине все участники упомянутой группы белоэмигрантов были помещены в солдатское общежитие № 2, переодеты в форму германской армии, но без погон и знаков различия, и получили белую нарукавную повязку, на которой значилось: «На службе германских вооруженных сил».

Мне был выдан документ о том, что я направляюсь переводчиком на Восточный фронт, такими же удостоверениями личности немцы снабдили остальных русских офицеров.

При вручении документов к группе с речью обратился председатель русского белоэмигрантского комитета («Руссише-фертрауенштеллен»)³⁹, который заявил: «Мы уверены, что вы искренне согласились бороться на стороне Германии, оказывающей большое доверие посылкой вас на Восточный фронт. Во время пребывания на оккупированной территории, – предупредил далее председатель белоэмигрантского комитета, – вам ни в коем случае не следует заниматься политикой; ваша задача заключается лишь в борьбе с оружием в руках с большевизмом, “разорившим страну”. Что будет дальше, покажет будущее».

Вопрос: В органы германской разведки вы вызывались?

Ответ: Нет.

Вопрос: Маловероятно, чтобы вас, русского офицера из эмигрантов, перед посылкой на оккупированную территорию немцы не привлекали к выполнению специальных заданий по линии разведки?

Ответ: Факт, однако, таков, что перед отправкой на фронт в органы германской разведки я не вызывался и к выполнению каких-либо специальных поручений немцы меня не привлекли.

В конце мая 1942 года вся группа белоэмигрантов в 50 человек поездом была доставлена в гор. Смоленск, в распоряжение немецкого генерала Шенкендорф⁴⁰, и я получил назначение в г. Могилев, в 600-й казачий полк.

Вопрос: Действовавший против Красной армии?

Ответ: Нет, против партизан.

Вопрос: Какое назначение вы получили по прибытии в полк?

Ответ: В мае 1942 года я был назначен командиром взвода и в казачьем полку № 600 прослужил до 9-го июня т.г.

Вопрос: Какова численность и где дислоцирован этот казачий полк?

Ответ: Полк насчитывает около тысячи солдат и дислоцируется в г. Могилеве, а по окончании боевых операций отводится на отдых в окрестности м[естечко] Круглое, что в 80-ти километрах от Могилева.

Основным ядром при формировании казачьего полка явились военнопленные из 4-й кавалерийской дивизии⁴¹ Красной армии, потерпевшей поражение и частично плененной в 1941 году в районе Осиповичи–Бобруйск. 600-й полк на 70 % укомплектован донскими, кубанскими и уральскими казаками.

Вопрос: Полк из русских действует в составе германских соединений?

Ответ: Вначале казачий полк был подчинен генералу Шенкендорф, начальнику штаба тыла армии, дислоцировавшемуся в Смоленске и затем в Могилеве, а осенью 1942 года полк был включен в немецкую дивизию «Рихард»⁴².

Вопрос: Какие еще регулярные части, кроме 600-го полка, ведут борьбу с партизанами?

Ответ: В Бобруйске, куда я неоднократно с заданиями выезжал в штаб 203-й немецкой охранной дивизии⁴³, был также дислоцирован русский запасный полк, именованный «Восточный запасный полк Центрального фронта»⁴⁴. Из состава полка выделены два батальона: «Березино» и «Днепр» и в стадии формирования находится третий – «Припять». Каждый из батальонов насчитывает по тысяче солдат, имеет русский офицерский состав и немецкий штаб.

Вопрос: Чем занимается «Русский запасный полк»?

Ответ: Запасный полк обучает «добровольцев», в основном пленных советских военнослужащих, после чего из его личного состава формируются самостоятельные батальоны и направляются в немецкие дивизии.

«Добровольцы», по прибытии из лагерей, после обучения приносят присягу Гитлеру, и им выдается оружие.

Все принесшие присягу носят немецкую военную форму с орлами на груди и на пилотке, при чем рассматриваются как солдаты союзной армии, т.е. подлежат суду по германскому военному закону и не могут быть возвращены обратно в лагерь военнопленных или без суда расстреляны, в противоположность остальным, не приносившим присягу.

Вопрос: Вы назвали все известные вам русские формирования, действующие в составе германской армии?

Ответ: Нет. По моим наблюдениям, на территории Белоруссии имеются и другие русские, украинские и белорусские национальные части, ведущие борьбу с партизанским движением.

Национальные формирования сведены в самостоятельные батальоны, но во всех отношениях подчинены командованию соответствующих германских дивизий. Если отдельные батальоны признаются неблагонадежными, их немедленно расформируют, а солдат небольшими группами распределяют по немецким ротам.

«Русская освободительная армия», которую в последнее время широко рекламируют немцы, как единая армия не существует, но вокруг руководителя «РОА», генерала Власова⁴⁵, ведется шумная кампания лжи и демагогии, рассчитанная на использование советских военнопленных в борьбе с Красной армией.

Вопрос: С Власовым вы лично знакомы?

Ответ: Власова я видел только раз, в конце января т.г. в Могилеве, куда он на несколько часов приезжал в казачий полк. Я тогда командовал почетным караулом и рапортовал Власову.

Вопрос: Власов прибыл в полк один или в сопровождении немцев?

Ответ: Власов приехал в закрытой автомашине вместе с тремя или четырьмя немецкими офицерами. Одет он в советскую генеральскую форму, но без знаков различия. За ужином, на который были приглашены все офицеры полка, Власов с речью не выступал, но в завязавшейся за столом беседе повторял антисоветскую клевету из опубликованного им в свое время в печати т.н. «открытого письма»⁴⁶. Между прочим, Власов спросил – есть ли среди офицеров полка белоэмигранты? Получив утвердительный ответ, он пробурчал: «Мы всяких принимаем, только вот некоторые добиваются имений, но все равно их не получают».

Русские эмигранты из казачьего и запасного полков к Власову относятся отрицательно, а пленные бывшие командиры и бойцы Красной армии – безразлично. Фактически "Власов ничем не командует, никаких приказов не отдает и является лишь подставной фигурой руководителя, без которой немцам" было бы труднее подыгать шум вокруг «РОА».

Вопрос: Вернемся к казачьему полку, в котором вы служили. Командные должности в нем заняты русскими офицерами?

Ответ: Да. Однако наряду с русским командованием имеется небольшой по численности, но важный по значению немецкий штаб, который осуществляет связь с высшим германским командованием, разрабатывает планы операций и ведает также снабжением полка боеприпасами и продовольствием.

Вопрос: Кто возглавляет немецкий штаб полка?

Ответ: Обер-лейтенант граф Ритберг⁴⁷, имеющий при себе специального переводчика, зондерфюрера д-ра Блезе.

⁴⁵⁻⁴⁷ Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Кроме того, в штате полка состоят немецкий старший казначей, семь или восемь немецких унтер-офицеров, отвечающих за склады и при каждом эскадроне – по одному унтер-офицеру, занимающемуся вопросами снабжения.

Вопрос: Назовите известных вам офицеров казачьего полка?

Ответ: Я лично знаком с более чем 20-ю офицерами °казачьего полка. Командует полком Кононов Иван Никитич⁴⁸, 40 лет, донской казак, подполковник немецкой службы, бывший майор Красной армии, окончил советскую военную академию, в плен попал в 1941 году. Немцами награжден медалью за зимнюю кампанию 1941–1942 гг. и двумя «бронзовыми крестами с мечами» 1-й и 2-й степени. В речах перед строем агитирует^o «за вольное казачество, освобожденное от ига России» и часто повторяет мало осмысленные фразы, вроде такой: «Мы – первые, понявшие идеи Адольфа Гитлера» или «Вся новая Европа смотрит на нас».

Помощником полка является Пуговичников Александр Николаевич⁴⁹, лет 50-ти, уроженец Киева, °майор немецкой службы, русский, белоэмигрант, бывший офицер югославской армии, гражданскую войну в России провел на стороне белых, в прошлом – известный наездник, награжденⁿ немцами «бронзовым крестом с мечами».

Белоэмигрантом является также начальник штаба полка – °Хрущев Дмитрий, 35-ти лет, донской казак, ротмистр немецкой службы, бывший офицер югославской армии, награжден^p «бронзовым крестом с мечами».

Вопрос: Знаете ли вы командиров эскадронов казачьего полка?

Ответ: Да, знаю. Первым эскадроном полка командует Сушков Дмитрий⁵⁰, 35-ти лет, белоэмигрант, ротмистр немецкой службы, бывший офицер югославской армии, в разговорах со мной высказывал презрительное отношение к немцам, мечтает по окончании войны уехать за границу.

Вторым эскадроном командует Мудров Сергей, 35-ти лет, °бывший ст[арший] лейтенант Красной армии, ротмистр немецкой службы, третьим эскадроном – Катянов, 30-ти лет, в прошлом – ст[арший] лейтенант Красной армии, парашютист, до войны служил в^c Средней Азии.

Четвертым эскадроном командует Гюнтер Георгий, 30-ти лет, белоэмигрант, лейтенант немецкой службы, и пятым (резервным) – Борисов, 40 лет, бывший майор Красной армии, явно угнетен службой у немцев, при проведении операций против партизан старается дать им возможность выйти из окружения.

Должен добавить, что одно время вторым эскадроном °командовал некий Тихонов (фамилия, очевидно, вымышленная), лет 36-ти, ротмистр немецкой службы, бывший лейтенант Красной армии. О нем разрешите показать подробнее^t.

Вопрос: Показывайте.

Ответ: Тихонов, с его слов, был арестован в связи с убийством Кирова⁵¹, находился в заключении около 6-ти лет, во время войны был освобожден и отправлен на фронт, но при первом удобном случае перешел на сторону немцев. Зимой 1941–42 гг. он участвовал в операциях против корпуса Белова⁵², возглавлял отдельный казачий взвод в тридцать^y сабель. Тихонов проявлял исключительную жестокость в порученной ему карательной экспедиции, расстреливал пленных, сжигал подряд деревни, а при штурме укрепленных позиций партизан гнал впереди цепей наступающих немцев женщин с детьми, за что награжден немцами знаком «за штурм»^y.

Вопрос: Об офицерах полка вы будете допрошены особо, а сейчас дайте характеристику проведенных с вашим участием боевых операций?

^o Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

ⁿ Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^p Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^c Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^t Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

^y Слева на полях отчеркнуто карандашом красным грифелем.

Ответ: В конце 1942 года в деревне Александровка Могилевской области была проведена двухдневная операция с участием двух эскадронов казачьего полка, части СС и артиллерии, окончившаяся безрезультатно ввиду того, что партизаны из подготавливаемого окружения сумели заблаговременно уйти.

В начале августа 1942 года была проведена значительная операция в Кличевском районе (БССР) под названием «Адлер»⁵³, в которой действовали казачий и несколько других полков общей численностью до 20 000 чел., с большим количеством приданной им артиллерии и самолетов. Операция велась на окружение партизан, причем в южной части кольца завязались ожесточенные бои, а на севере, где с 600-ым полком находился и я, происходили лишь перестрелки, однако, главные силы партизан вновь вышли из окружения, а остатки с боями прорвались сквозь части СС.

Вопрос: С какими результатами были закончены остальные операции вашего полка?

Ответ: Безуспешными оказались также операции на окружение, проведенные в сентябре-октябре 1942 года между Витебском и Полоцком, за исключением того, что в боях была захвачена партизанская радиостанция и взяты в плен несколько партизан.

В конце октября 1942 года силами казачьего полка, французского соединения⁵⁴, части СС и других (до десяти тысяч штыков) была проведена операция на окружение партизан в Круглянском районе (БССР)⁵⁵. Казачий полк занимал оборону на линии Круча–Шепелевичи, а французское соединение и части СС вели наступательные бои, но главные силы партизан вышли из окружения в образовавшийся разрыв между казачьими эскадронами, по слухам, потеряв лишь в боях командира одного из отрядов – Суворова⁵⁶.

В последних числах декабря 1942 года была начата операция в треугольнике Витебск–Полоцк–Невель, законченная в конце января т.г. и известная под названием «Винтерфельд»⁵⁷. В боевых действиях, кроме казачьего полка, участвовали крупные немецкие силы в составе нескольких дивизий с бронемашинами и танками. Наступление на партизан велось в два эшелона, казачий полк понес значительные потери и успеха не имел, если не считать поимки нескольких партизан.

Вопрос: Партизаны вышли из окружения?

Ответ: Да. Оказав сильное сопротивление, партизаны возле Невеля прорвали линию обороны и вышли из кольца.

Вопрос: Активные действия против партизан велись и до вашего прибытия в полк?

Ответ: Да. В начале 1942 года первый эскадрон казачьего полка действовал против партизан в Витебской области и с исключительной жестокостью расправился с местным населением: был сожжен ряд деревень и расстреляно много жителей, особенно евреев.

Вопрос: Вы умалчиваете о своем взводе, и можно подумать, что в боевых действиях против партизан вы не участвовали?

Ответ: Уточняю свои показания. В столкновениях с партизанами мне и взводу приходилось участвовать неоднократно во время всех операций, проведенных на протяжении почти 13-ти месяцев моего пребывания в 600-м полку.

Захваченных в стычках пленных в подразделении, которым я командовал, не расстреливали и репрессий к ним не применяли, а передавали для допросов в штаб полка. Так, в ноябре 1942 года в деревне Щиток Круглянского района моим подразделением, находившимся в разведке, в результате столкновения был убит один партизан и пленен другой, переданный в штаб полка.

В январе т.г. в деревне Заболотье, где был расположен штаб партизанской бригады, моим подразделением был захвачен в плен связной отряда партизан, возглавлявшегося Кондратенко⁵⁸. За эту операцию в феврале т.г. я был награжден «бронзовым крестом с мечами».

Вопрос: Какова судьба плененного вами партизана?

Ответ: Захваченный в плен связной партизан был передан в штаб полка и, по рассказам Николая Денисенко, состоявшего при штабе адъютантом командира полка, дал показания, но впоследствии якобы бежал.

Вопрос: Вы утверждаете, что захваченных в столкновении партизан направляли в штаб полка. Разве взятые в плен на месте в соответствующих подразделениях допросам не подвергались?

Ответ: Пленных обычно бегло допрашивают в эскадроне, который их захватил, после чего обязательно направляют в штаб полка или самостоятельного батальона, где допрос длится два-три дня. После допроса пленных передают в «гехайм фельд полицай» (тайная полевая полиция), где их расстреливают или передают в штаб дивизии, а в отдельных случаях направляют в лагерь.

Вопрос: Остановитесь на всех случаях применения вами оружия против партизан?

Ответ: Разумеется, я, как командир, участвовал во всех перестрелках, которые имел взвод при стычках с партизанами. Кроме того, в начале марта т.г. в деревне Липецки Круглянского района при неожиданном ночном столкновении лицом к лицу с партизанским дозором мною из винтовки было убито два партизана, а третий бежал. Я действовал в порядке самозащиты, так как иначе был бы убит.

Вопрос: Вы сами, видимо, ввязались в перестрелку, в результате которой уничтожили двух партизан?

Ответ: Нет, обстановка в ночном столкновении сложилась такая, что если бы я не стрелял, застрелили бы меня, так как оказавшиеся вблизи трое партизан пытались уже открыть по мне огонь из имевшихся при них винтовок и автомата.

Вопрос: Вы утверждали ранее, что вверенный вам казачий взвод мирных жителей и партизан не расстреливал. Верно ли это?

Ответ: Будучи противником расстрела пленных, я запрещал применять репрессии к ним, а также к мирным жителям, но Тихонов, командовавший некоторое время 2-ым эскадроном, в который входил второй взвод, отличался крайней жестокостью, ввиду чего, я полагаю, по его приказанию отдельными казаками взвода в мое отсутствие советские люди расстреливались.

В июле 1942 года в деревне Будовщина 2-м эскадроном было задержано три человека, заподозренных в связи с партизанами, при чем, по приказанию Тихонова, их перед расстрелом стали зверски избивать и пытать. Я потребовал прекратить издевательство, но командир эскадрона приказал не вмешиваться, заявив, что не мое дело контролировать его действия.

Когда один партизан был уже расстрелян, а второй избит до потери сознания, желая предотвратить пытки над третьим, я его застрелил из имевшегося при мне в этот момент карабина.

Вопрос: Разве не было иного выхода, чтобы предотвратить пытки над партизаном?

Ответ: Партизан был бы расстрелян позже, но после надругательств, от которых я решил его избавить.

Вопрос: Таким способом?

Ответ: Ничего другого я сделать не мог.

Вопрос: Как реагировал Тихонов на произведенный вами расстрел?

Ответ: Тихонов поднял скандал, обвинил меня чуть ли не в связи с партизанами, так как я, мол, сорвал «допрос», но тем дело и кончилось.

Признаю также, что мною было отдано приказание по взводу – пристреливать тяжело раненых партизан. Пристреливал не я лично, а казаки; таких случаев было один или два.

Вопрос: Говорите правду: в каких целях вы приказали уничтожить раненых партизан?

Ответ: Тяжело раненые партизаны все равно были бы расстреляны, но, вдобавок еще, после пыток и надругательств. Должен добавить, что я отдал распоряжение казакам пристрелить и меня в случае, если буду тяжело ранен.

Казаки моего взвода могут подтвердить, что я относился враждебно к обстановке разнузданности, произвола и жестоких репрессий, применявшихся к окружающему мирному населению и пленным, ввиду чего в донесениях Тихонова командиру полка фигурировал как «неблагонадежный элемент».

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: В октябре 1942 года командир полка Кононов в разговоре со мной сослался на Тихонова, от которого получил на меня самую отрицательную характеристику. «Не внушающая доверия личность», – отзывался обо мне командир эскадрона.

Виденные мною бесконечные насилия не только над пленными, но и над мирными советскими людьми, вызывали во мне острое недовольство и, в конечном итоге, побудили к переходу на сторону Красной армии.

Вопрос: Заявление о вашей непричастности к расправам над советскими людьми нуждается в тщательной проверке, что нами и будет сделано.

Остается неясным – почему вы, несмотря на свои антисоветские настроения, длительное пребывание в эмиграции и службу на протяжении почти 13-ти месяцев в германской армии, приняли решение о переходе на сторону Красной Армии?

Ответ: Всего, что делается в Советской России я не понимал, заявляю об этом честно, но антисоветских настроений у меня не было.

Два человека, моложе меня и с меньшим жизненным опытом, тем не менее оказали на меня значительное влияние, и я окончательно решил уйти от немцев.

Вопрос: Кто они?

Ответ: Медицинская сестра – Тамара Козак⁵⁹ и мой ординарец – Вячеслав Балакин⁶⁰.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы познакомились с Тамарой Козак?

Ответ: В конце августа 1942 года, после очередного приступа малярии я был помещен в г. Орша в лазарет и познакомился с советской военнопленной, работавшей медицинской сестрой, Тамарой Козак, 19-ти лет, в прошлом – комсомолкой.

В палате я оказался единственным говорящим по-русски, остальные раненые были немцы, и Козак в свободное время меня навещала, подсаживалась к кровати и рассказывала правду о жизни в СССР. Слышанное от нее было совсем иным, чем все, что писалось о советской действительности в немецкой и белоэмигрантской прессе.

Вопрос: Козак знала, что вы – белоэмигрант?

Ответ: Нет, не знала и, более того, упрекала меня: как я, русский человек, согласился добровольно служить немцам, носить их форму и драться со своими, причем называла меня «изменником родине».

Вопрос: Вряд ли советская военнопленная рискнула бы на столь откровенные беседы с офицером германской армии?

Ответ: Не сразу, но постепенно Тамара убедилась, что нашла во мне внимательного слушателя и человека, которому доверять можно, так как содержание наших бесед сохранялось мною в тайне. Беседуя все более откровенно, она не скрывала от меня своего крайне враждебного отношения к немцам.

Вопрос: А сами вы не опасались, что содержание ваших бесед станет известным органам, надзирающим за политическими настроениями и связями германских военнослужащих?

Ответ: Мне немцы доверяли и в том случае, если бы Козак вздумала на меня донести, я бы начисто все отрицал и представил, как попытку с ее стороны оклеветать в моем лице русского офицера, якобы преданно сражающегося за интересы Германии.

Вопрос: И все же: беседы с девятнадцатилетней медицинской сестрой привели к пересмотру взглядов, прививавшихся вам, как вы ранее заявляли, на протяжении ряда лет пребывания в эмиграции. Так ли обстояло на самом деле?

Ответ: Были на то и другие причины.

Вопрос: Расскажите и о них?

Ответ: В лазарете лежавший рядом немец, лейтенант, мечтая о конце войны, говорил: «В России по дешевке я куплю имение». Не менее циничными были высказывания других немецких офицеров о послевоенной колонизации России.

Как-то летом 1942 года, в разговоре с немецким унтер-офицером из штаба полка (фамилии не помню) я упомянул, что русский эмигрант, майор Пуговичников только

и думает, как бы обратно получить свое имение. Немецкий унтер, однако, удивился моему замечанию и спросил: «А вы разве не собираетесь получить свое имение?».

Мой отрицательный ответ вызвал также недоумение оказавшегося неподалеку от нас обер-лейтенанта, графа Ритберг.

Вопрос: Он тоже принял участие в вашей беседе?

Ответ: Да. Ритберг заявил: «Вы напрасно думаете, лейтенант, что в России не будет больших имений. Вам, да и тем из эмигрантов, кого мы еще сюда не пускаем, если они захотят с нами честно работать, имения будут возвращены. Я и сам, признаюсь, рассчитываю остаться здесь в роли помещика, а многие из моих солдат-немцев уже занесли свои фамилии в списки будущих колонизаторов России. Вас, князь, – сказал в заключение Ритберг, – в будущем ждет блестящая карьера».

Я ничего не ответил и ушел.

Вопрос: Выходит, что, в отличие от майора Пуговичникова, мечтавшего о возврате имения, и графа РИТБЕРГ, прочившего себя в помещики, вы преследовали иные цели, невзирая на службу в германской армии?

Ответ: Я не только не помышлял вернуть имение, но и не допускал мысли о возможности возврата к помещицкой России, хотя бы потому что видел просоветские настроения крестьян даже в условиях террора, существовавшего на оккупированной территории.

Напротив, беседа с обер-лейтенантом Ритберг (а он был эсэсовец и знал, что думают в нацистских кругах), лишь обострила мое неприязненное отношение к немцам-колонизаторам и укрепила в мысли – бежать от них, чтобы драться затем на стороне советских войск.

К тому же немцы крайне третировали сражающихся за их страну русских офицеров.

Вопрос: Разве?

Ответ: Внешне немцы, конечно, соблюдали необходимый такт, но между собой (а я знал немецкий язык и был допущен в их среду, как белоэмигрант и бывший князь), перешедших к ним русских называли «лакеями», а советских военнопленных, вступавших в т.н. «Русскую Освободительную Армию», вдобавок «прохвостами» и «изменниками».

Так говорил мне летом 1942 года в офицерском казино, за обедом, обер-лейтенант Ритберг, утверждая одновременно, что «немцев сейчас интересует главное, чтобы эти русские дрались против большевиков».

Окончательно открыли мне глаза на все происходящее длительные беседы с моим ординарцем, советским военнопленным – Балакиным.

Вопрос: Известно ли вам прошлое Балакина?

Ответ: Балакин Вячеслав Александрович родом из гор. Горького, 1924 года рождения, окончил десятилетку, с началом войны подал заявление о зачислении его слушателем в бронетанковое военное училище, но, не дождавшись решения, поступил добровольцем в парашютно-десантные войска, в плен попал под Смоленском зимой 1942 года.

Балакин, с его слов, желая получить свободу передвижения, чтобы уйти к партизанам, вступил в ряды «Русской Освободительной Армии».

Вопрос: Когда Балакин был определен к вам в качестве ординарца?

Ответ: В сентябре 1942 года, когда я принял команду над 2-м взводом 3-го эскадрона казачьего полка. Беседы с Балакиным с первых дней нашего общения убедили меня в том, что этот человек твердо стоит на советских позициях.

Вопрос: Сомнительно, чтобы в разговорах с офицером германской армии его ординарец не опасался проявить себя советским патриотом?

Ответ: Балакин стал откровенным лишь после того, как хорошенько присмотрелся ко мне. Встретив сочувствие, Балакин стал систематически мне доказывать, что я не знаю правды о советском строе и русском народе и располагаю на этот счет тенденциозными, неправильными сведениями.

После того, как я окончательно изучил своего ординарца и установил, что он меня не провоцирует, в конце 1942 года в разговоре с Балакиным я заявил, что разделяю его взгляды и открыто высказал свое критическое отношение к пропагандируемому ведомством

Гebbельса⁶¹ «новому порядку в Европе» и подлинным делам немцев, в частности, чинимым ими зверствам над русскими и беспардонной выкачке богатств с оккупированной территории, которую немцы рассматривают как свои колониальные владения.

Балакин, воспользовавшись этим разговором, предложил уйти к партизанам, и я согласился, но заявил, что мне как офицеру следовало бы перейти вместе со своими солдатами.

Вопрос: Вы рассчитывали захватить с собой и весь взвод?

Ответ: Мне казалось тогда, что не только второй взвод, но и в целом третий эскадрон удастся склонить к переходу на советскую сторону. Все бы зависело от соответствующей договоренности с командиром эскадрона Георгием Катяновым, что представлялось мне делом вполне реальным.

Вопрос: На чем было основано ваше предположение о возможности склонить к переходу на советскую сторону командира эскадрона Катянова?

Ответ: К Георгию Катянову я присматривался давно и знал его прошлое. Он – сын сосланного кулака, родился на Урале в 1913 году, окончил Машиностроительный институт и Ташкентское военно-пехотное училище, служил в парашютных войсках и имел 130 прыжков, из них пять боевых, в плен попал из-за просчета, приземлившись в расположении германских войск. По словам Катянова, он являлся членом ВКП(б) и в разговорах со мной заявлял, что тяготится службой у немцев.

В свою очередь, я пытался внушить Катянову мысль, что с немцами нам не по пути, и доказывал неизбежность поражения Германии. Обработка Катянова двигалась успешно и как-то в конце мая т.г. на моей квартире в деревне Голынка Осиповического района Могилевской области Катянов в присутствии Балакина в состоянии опьянения заявил: «Николай, придет время, и мы прогоним немцев из России, увидишь, как я буду драться».

Однако с 1-го июня т.г. Катянов резко изменил линию своего поведения в связи с испугавшими его событиями в моем взводе.

Вопрос: Что же произошло в вашем взводе?

Ответ: В этот день девять казаков моего взвода, из которых припоминаю фамилии восьми (Бетин⁶², Ермак, Моисеев⁶³, Квасов, Полубояров⁶⁴, Иванов, Михайлюк⁶⁵ и Каширин), под влиянием моих разговоров с ними самостоятельно перешли к партизанам, захватив с собой личное оружие, 3 пулемета и миномет.

Катянов, испугавшись возможных репрессий, заявил мне, что так делать нельзя было, уходить следовало всем, так как частичный переход мог лишь поставить нас под подозрение.

Должен добавить, что переходу Катянова мешало и то обстоятельство, что незадолго до наших переговоров он женился на местной девушке Марии Федоровне (фамилии не знаю), работавшей переводчицей в немецкой комендатуре в м[естечко] Бельниччи.

Вопрос: Вы хотите этим сказать, что жена удерживала Катянова от перехода на советскую сторону?

Ответ: Не совсем так. Катянов успел крепко привязаться к жене и боялся, что после его ухода Мария Федоровна, которая в этот момент находилась в Могилеве, будет немцами расстреляна.

Отказавшись от мысли о побеге, Катянов решил применять все меры к тому, чтобы и меня удержать, полагая, что если мне удастся осуществить свое намерение, он, как командир эскадрона, будет окончательно скомпрометирован в глазах немцев.

Катянов, видимо, через специально обработанных им казаков установил за мной наблюдение, и я поэтому решил ускорить свой уход к партизанам. Это намерение я осуществил 9 июня 1943 года.

Вопрос: Из какого источника вы располагали данными, что Катянов вел за вами наблюдение?

Ответ: В первых числах июня т.г. казак Михайлов, которого я решил взять с собой, мне рассказал, что слышал, как Катянов поручил командиру третьего взвода Стрельцу Александру следить за мной.

Зная, что в районе деревни Мотовилы (что в 12 километрах от д. Голынка, где размещался 2-й взвод), действуют партизаны, я принял решение вступить с ними в переговоры в расчете на переход вместе с небольшой группой преданных мне казаков.

Вопрос: Но ведь ранее вы показывали, что предполагали перейти, если не со всем эскадронам, то хотя бы со взводом, которым командовали?

Ответ: Первоначально принятое решение было мною изменено, так как Катянов установил слежку, и я опасался провокации и даже вооруженного сопротивления моему переходу со стороны отдельных казаков. По вновь возникшему плану, побег я осуществил вместе с пятью казаками.

Вопрос: С кем именно?

Ответ: Со мной ушли из полка: Михайлов, Глухов, Шевченко⁶⁶, Бугаев и кавказец Ринго Нацхао. Имен этих казаков я не знаю, ибо в германской армии принято запоминать солдат только по фамилиям, да и те, насколько мне известно, были вымышленными.

Вопрос: Чем вы были гарантированы, что кто-либо из этих казаков вас не предаст?

Ответ: Михайлова, Глухова и Шевченко я лично знал как патриотически настроенных людей и был уверен, что если в определенный день и час спрошу их – кто хочет идти со мной к партизанам, все трое ответят согласием. В свою очередь, Глухов поручился за Бугаева и Ринго, заявив, что и они также согласятся на побег. Так оно и получилось в действительности.

Вопрос: Ваше предположение оправдалось?

Ответ: Совершенно верно. Все пятеро с охотой согласились бежать из полка. Вместе со мной также должны были уйти мой ординарец Балакин и казак Лунин⁶⁷.

Вопрос: Лунин к переходу был подготовлен вами?

Ответ: Да. Лунину, который был настроен явно патриотически, ничего определенного я не говорил, опасаясь, чтобы он не проболтался, но полунамеками я дал ему понять, что вскоре представится возможность бежать от немцев, чтобы сражаться против них на стороне Красной армии. Лунин не возражал.

Видя по поведению Лунина, что он готов к переходу, я, тем не менее, заставлял его каждый день сопровождать меня при патрулировании, чтобы постоянно за ним наблюдать и, в случае надобности, иметь под рукой еще одного верного казака.

8-го июня я вступил в переговоры с партизанами.

Вопрос: Через кого?

Ответ: Подготовленный мною к переходу казак Глухов сообщил, что имеет знакомую девушку по имени Валя, которая поддерживает связь с партизанским отрядом. Воспользовавшись этим знакомством Глухова, я поручил ему известить партизан о своем намерении перейти на их сторону. Через Валю был получен от партизан адрес явки: деревня Мотовилы, последний дом справа, пароль «Король 210».

По получении явки, я со всеми казаками взвода направился в деревню Соломенка, где в то время находился командир эскадрона Георгий Катянов.

Вопрос: Катянов вас вызвал к себе?

Ответ: Нет, я это сделал по собственной инициативе.

Перед Катяновым я прямо поставил вопрос – хотел бы ли он перейти к партизанам, если бы имелись к тому возможности: пароль и конкретное направление.

Вопрос: Непонятно, зачем потребовалось вступать в переговоры с Катяновым, если вам было известно, что он отказался от своего первоначального намерения и чинил препятствия вашему переходу на советскую сторону?

Ответ: Я все же надеялся, быть может, в последний момент Катянов согласится и поведет за собой эскадрон или хотя бы часть вверенных ему казаков.

Вопрос: Как реагировал Катянов на ваше предложение?

Ответ: Катянов заявил, что он не согласен на переход, и приказал, чтобы с 10-го июня я лично прекратил ходить в засады и патрулировать.

Стало ясно, что Катянов больше не доверит мне ручных пулеметов, с которыми я всегда патрулировал; уходить надо было не медля, в тот же день 9-го июня.

Вопрос: Что вы предприняли далее?

Ответ: По возвращении в деревню Голынка, казакам своего взвода я приказал произвести обыски в домах местных жителей, якобы связанных с партизанами, а сам с упомянутыми ранее казаками – Михайловым, Глуховым, Шевченко, Бугаевым и Ринго Нацхао, захватив два ручных пулемета, направился для патрулирования в направлении деревни Мотовилы, что в 12 километрах от Голынок.

Выйдя из дер. Голынка и остановившись на опушке леса, я спросил у отобранной мною пятерки – кто хочет уйти со мной к партизанам, предупредив, что никого не обязываю принимать решение против своей совести.

Вопрос: Что вам ответили казаки?

Ответ: Все пять казаков заявили, что идут со мной. После этого мы направились по известному нам маршруту и в деревне Осередок были встречены партизанами.

Вскоре, к исходу дня 9-го июня, вслед за мной явились в партизанский отряд Балакин⁶⁸ и Лунин, захватившие с собой свое личное оружие.

Вопрос: Скажите, неужели Катянов, зная о ваших намерениях, не принял мер, чтобы вас задержать, подвергнув аресту или отправке в удаление от района действия партизан?

Ответ: Мой арест был бы весьма некстати и для самого Катянова.

Вопрос: Почему?

Ответ: Я мог выдать содержание наших переговоров и сообщить о его личных настроениях далеко не в пользу немцев.

Вопрос: Все-таки неясно, чем объяснить сравнительно легкий ваш переход на советскую сторону при том условии, что вы уже находились под подозрением?

Ответ: После того, как я убедился в результате переговоров с Катяновым при нашей последней встрече 9-го июня, что он решительно против моего перехода на советскую сторону, я для отвода глаз заявил, что буду действовать, как он приказывает, и патрулирование вблизи партизан прекращаю.

Должен добавить, что моему переходу помогла внезапность, так как, задержавшись еще на день, я возможно был бы удален из полка по доносу Катянова, явно опасавшегося, чтобы моими поступками не был скомпрометирован его эскадрон.

Единственное, чего я хочу сейчас, чтобы советские органы поверили моей искренности.

Я вновь заявляю, что перешел на сторону Красной армии с намерением сражаться, как офицер, с оружием в руках против немцев, и прошу предоставить мне возможность этим искупить свою вину перед Родиной.

Записано с моих слов верно и мною прочитано:

(Н. ГАГАРИН)

Допросили:

Начальник IV Управления НКГБ СССР
Комиссар Гос. Безопасности 3-го ранга
(СУДОПЛАТОВ⁶⁹)

Зам. начальника следчасти по особо важным делам НКГБ СССР
Полковник Гос. Безопасности
(ШВАРЦМАН⁷⁰)

Начальник 2 Отдела IV Управления НКГБ СССР
Подполковник Гос. Безопасности
(МАКЛЯРСКИЙ⁷¹)

Ф Верно: Шварцман Ф

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 284. Л. 3–51.

Машинопись (2-й экз.) на бумаге зеленого оттенка.

На первом листе протокола сверху слева наклеена черно-белая фотография (4×5).

Комментарии

1. 600-й казачий дивизион сформирован в октябре-ноябре 1941 г. в Могилеве в составе группы армий «Центр» как 102-й казачий полк, с ноября 1941 г. – 600-й казачий дивизион. В 1942–1943 гг. участвовал в акциях против партизан на территории Смоленской, Могилевской, Витебской, Гомельской областей и в районе Великих Лук.
2. Деревня Осередок находилась в оккупации с конца июня 1941 по 29 июня 1944 г.
3. 286-я дивизия безопасности, развернутая в тыловом районе группы армий «Центр». Сформирована 15 марта 1941 г. С 15 июня 1942 по конец октября 1943 г. командовал дивизией немецкий генерал И.-Г. Рихерт.
4. Гагарин Михаил Сергеевич (1880–1918), капитан лейб-гвардии Кавалергардского полка. Участник Первой мировой войны. Полковник 39-го Донского казачьего полка (1916). С февраля 1917 г. адъютант А.А. Брусиллова.
5. Керенский Александр Федорович (1881–1970), в марте-мае 1917 г. – министр юстиции Временного правительства, в мае-августе – военный и морской министр. С 21 июля – министр-председатель Временного правительства, в сентябре возглавлял Директорию. Также с 28 февраля 1917 г. – товарищ председателя Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С июня 1918 г. в эмиграции. Под заговором против Керенского имеется в виду Корниловское выступление в августе (сентябре) 1917 г.
6. Добровольческая армия – вооруженное формирование Белого движения в годы Гражданской войны. Сформирована 25 декабря 1917 г. в Новочеркасске из добровольцев генерала М.В. Алексева. В январе 1919 г. вошла в состав Вооруженных сил Юга России. В марте 1920 г. эвакуирована в Крым, вошла в состав «Русской армии».
7. Гагарина Мария Александровна (1887–?), урожденная Мусина-Пушкина. «Городская» Фрейлина Высочайшего двора, не выполняла постоянных обязанностей.
8. Гагарин Александр Сергеевич (1879–1966), поручик, адъютант военного министра с зачислением по гвардейской кавалерии (1909). В эмиграции в Константинополе, с 1922 г. проживал в Каннах. Помощник председателя Франко-русского комитета, находившегося в ведении великой княгини Елены Владимировны. Ктитор и церковный староста храма св. Михаила. Последние годы жизни провел в доме для престарелых.
9. Мусин-Пушкин Николай Александрович (1892–1967), штаб-ротмистр Кавалергардского полка. В эмиграции с 1916 г., проживал в США.
10. Мусина-Пушкина Ирина Александровна (1895–?), в замужестве Кочубей.
11. Кочубей Николай Васильевич (1885–1947), офицер лейб-гвардии Конного полка. Гагарин допустил неточность в ответе, так как Н.В. Кочубею в 1943 г. было 58 лет.
12. Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), с 29 апреля по 14 декабря 1918 г. гетман Украины.
13. «Украинская Громада» – националистическая организация украинских эмигрантов. Ее участники выступали за независимую Украину с монархической формой правления. Организация действовала главным образом на территории Германии и Польши. При Берлинском центре была образована «Гетманская рада», в состав которой вошел гетман П. Скоропадский.
14. Кочубей Любовь Александровна (1885–1946), урожденная Мусина-Пушкина, супруга князя Петра Васильевича Кочубея.
15. Кочубей Петр Васильевич (1880–1918), гадячский уездный предводитель дворянства, расстрелян большевиками в Киеве 26 января 1918 г. за контрреволюционную деятельность.
16. Кочубей Василий Петрович (1909–1977), русский эмигрант, проживал в Бельгии. В 1931 г. окончил Агрономический институт в Жамблу, инженер-агроном. В 1938–1960 гг. работал в Бельгийском Конго.
17. Врангель Петр Николаевич (1878–1928), генерал-лейтенант (1918), один из лидеров Белого движения, в 1920 г. руководитель обороны Крыма. С 1927 г. проживал в Бельгии.
18. Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951), генерал-лейтенант русской армии (1917), с 1939 г. верховный главнокомандующий армии Финляндии.
19. École nationale supérieure d'agriculture colonial создана в 1902 г. для подготовки технических руководителей сельского хозяйства из французских колоний.
20. Раевский Сергей Михайлович (1910–1943), французский офицер, служил «санитаром германской армии» на территории СССР, погиб в Старой Руссе Ленинградской области.

Ф-Ф Вписано чернилами синего цвета.

21. «Ла Скарп», канонерская лодка. 9 мая 1919 г. под командованием Э. Мюзеля отошла от берегов Крыма по направлению к Константинополю.
22. В 1922 г. в английскую школу в местечке Буюк-Дере близ Стамбула были переведены кадеты Донского кадетского корпуса им. Александра III. Перед эвакуацией корпуса из Крыма в феврале 1920 г. по решению его директора А.В. Черячукина и руководителя британской военной миссии на Юге России Г. Холмана он перешел в ведение английских властей.
23. Населенный пункт на Кипре.
24. После расформирования Донского кадетского корпуса им. Александра III в 1922 г. он был воссоздан в сентябре того же года на базе 2-го Донского кадетского корпуса, который размещался в бывшей австрийской крепости около г. Билече. В 1926 г. корпус переехал в г. Горажде в Боснии. В корпусе наравне с военной подготовкой осуществлялось обучение кадет в соответствии с программой средней сербской школы. В августе 1929 г. корпус был переименован во Второй Русский императора Александра III кадетский корпус. В 1929/1930 учебном году в нем проходило обучение 350 человек. Гагарин фактически продолжил обучение, начатое в 1924 г. в английской школе в Буюк-Дере. В 1933 г. Донской кадетский корпус был объединен с Первым Русским вел. кн. Константина Константиновича Кадетским Корпусом, который Гагарин закончил в 1934 г.
25. Имеется в виду Югославская военная академия.
26. Альпийские дивизии входили в состав Югославской королевской армии.
27. Дравская дивизия – подразделение Югославской королевской армии.
28. Культурбунд (Швабско-немецкая культурная ассоциация) представлял собой культурную и политическую организацию этнических немцев Югославии, действовавшую с 1920 г. Ее центр находился в г. Нови-Сад. Накануне Второй мировой войны организация занималась военной подготовкой мужчин до 35 лет, через которую прошли около 32 тыс. этнических немцев. Члены «Культурбунда» разделяли нацистскую идеологию и были оппозиционно настроены по отношению к югославскому правительству (*Буркут И.Г.* Югославские русины и украинцы во Второй мировой войне (1941–1945 гг.) // *Русин.* 2011. № 2 (24). С. 37–51).
29. Акт о капитуляции подписан 18 апреля 1941 г.
30. Триглавский горный отряд входил в состав 7-й армии Королевства Югославии, включал в себя 1-й горно-стрелковый батальон. Дислоцировался на севере Словении.
31. Лукич Михайло (1886–1961), хорватский генерал.
32. В г. Целье также находился немецкий сборный лагерь для югославских интернированных граждан.
33. Лагерь VI-B для военнопленных открыт в сентябре 1940 г. В нем находились в основном французские, британские и польские офицеры. Действовал до 3 апреля 1945 г., когда был освобожден армией США.
34. Трифунович Душан (1880–1945), югославский дивизионный генерал, во время Апрельской кампании 1941 г. командовал 7-й армией. Во время боев взят в плен и помещен в лагерь, где позднее скончался. Военным министром Югославии не был.
35. Офлаг IV-C был организован на территории замка в Колдице в ноябре 1939 г. Предназначался для офицерского состава, попавших в плен во время оккупации европейских стран.
36. Лагеря «Цитенхорст» и «Вутзен» представляли собой закрытые учебные лагеря «Восточного министерства», где военнопленные готовились для осуществления пропагандистской работы на оккупированных территориях СССР.
37. Лагерь «Лихтерфельде-Зюд» входил в комплекс лагерей Шталаг III-D и представлял собой сборно-распределительный пункт для военнопленных.
38. Вероятно, имеется в виду газета «Der Neue Weg: Russische Mitteilungsblatt», еженедельный информационный орган Управления делами Российской эмиграции в Сербии.
39. Управление делами русских беженцев в Германии (Russische Vertrauensstelle) создано в 1936 г. Руководителем Управлением был русский эмигрант В.В. Бискупский.
40. Шенкендорф Максимилиан фон (1875–1943), немецкий генерал от инфантерии, во время Второй мировой войны командующий военной областью «Митте», тылового района группы армий «Центр» на оккупированной территории СССР. В «Митте» входили Смоленская, Могилевская, Брянская, Витебская, часть Орловской и Минской областей.
41. В марте 1941 г. на основе 4-й кавалерийской дивизии была сформирована 210-я моторизованная дивизия. К началу войны она дислоцировалась в Осиповичах. В июле вела бои в районе Могилева, где попала в окружение. 11 июля 1941 г. снова переформирована в 4-ю кавалерийскую дивизию.
42. М. фон Шенкендорф, командующий войсками безопасности группы армий «Центр», в начале сентября 1941 г. содействовал созданию донского казачьего полка во главе с Кононовым. 6 октября 1941 г. создание казачьих сотен утвердило Главное командование Сухопутных Сил. Казачий 102-й эскадрон завершил формирование к 28 октября 1941 г. В августе 1942 г. переформирован в 600-й отдельный казачий дивизион. В это время он состоял из «двух кавалерийских эскадронов, двух эскадронов самокатчиков, одного артиллерийского взвода на конной тяге, одного взвода противотанковых орудий и всего насчитывал 1 043 бойца и командира» (*Александров К.М.* Русские солдаты вермахта... С. 439). Запись из дневника Шенкендорфа: «29 октября 1942 г. Настроение казаков хорошее. Боеготовность отличная... Поведение казаков по отношению к местному населению беспощадное» (*Александров К.М.* Русские солдаты

- вермахта... С. 440). К февралю 1943 г. полк состоял уже из 6 кавалерийских эскадронов. «15 апреля 1943 г. большая часть 3-го и 4-го эскадронов, а также артдивизиона, перебила немецких связистов, кононовских казачьих офицеров и ушла в лес к партизанам» (Александров К.М. Русские солдаты вермахта... С. 440).
43. 203-я охранная немецкая дивизия сформирована в июне 1942 г., дислоцировалась в тылу группы армий «Центр», участвовала в антипартизанских акциях.
 44. 1 июня 1942 г. по решению командования группы армий «Центр» в Бобруйске был сформирован 1-й Восточный добровольческий полк. В его состав входили батальоны «Березина» и «Днепр». В конце месяца также был сформирован запасной батальон с действующей офицерской школой для пополнения уже существующих батальонов. К концу 1942 г. в состав 1-го Восточного добровольческого полка был включен новый третий батальон «Припять». Батальон состояли в основном из советских военнопленных, а также из русских эмигрантов, воевавших на стороне вермахта.
 45. Власов Андрей Андреевич (1901–1946), советский генерал-лейтенант (1941–1942), сдался в плен летом 1942 г. Возглавил так называемую Русскую освободительную армию (РОА).
 46. «Открытое письмо генерал-лейтенанта А. Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом» опубликовано в марте 1943 г.
 47. Лейтенант граф Ганс фон Риттеберг курировал создание полка от Абвера.
 48. Кононов Иван Никитич (1900–1967), генерал-майор КОНР. 22 августа 1941 г. попал в плен будучи командующим 436-м полком 155-й стрелковой дивизии Красной армии Западного округа. 28 октября с санкции немецкого командования сформировал из военнопленных казаков казачью добровольческую часть № 102, которая в дальнейшем была переформирована в 600-й отдельный казачий батальон.
 49. Пуговичников Александр Николаевич (1886–1968), русский эмигрант, участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1925–1941 гг. инструктор офицерской кавалерийской школы Югославской Королевской армии. В марте 1941 г. попал в плен, содержался в Офлаге VI-C, где подал рапорт об отправке на Восточный фронт. Был принят на службу в вермахт и в феврале-июне 1943 г. был заместителем командира 600-го казачьего дивизиона.
 50. Сушков Дмитрий, в эмиграции в Югославии. В 1928 г. окончил Крымский кадетский корпус и затем поступил в Югославскую военную академию, которую закончил в 1931 г.
 51. Киров Сергей Миронович (1886–1934), советский государственный деятель, член Политбюро ЦК ВУП(б) (1930–1934), Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) (1927–1934). Убит 1 декабря 1934 г. Л. Николаевым.
 52. Белов Павел Алексеевич (1897–1962), гвардии генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). С марта 1941 г. командовал 2-м кавалерийским корпусом, находившимся на Южном фронте. Во время Тульской операции путем присоединения ко 2-му корпусу дополнительных частей была создана оперативная группа под командованием Белова.
 53. Операция «Адлер» проводилась против советских партизан 20 июля 1942 г.
 54. Соединения Легиона французских добровольцев против большевизма. Существовал с 8 июля 1941 по 20 ноября 1944 г. Легион активно участвовал в антипартизанских операциях на территории БССР.
 55. Операция «Карлсбад» проводилась против партизан Круглянского, Оршанского, Толочинского и Шкловского районов с 10 по 23 октября 1942 г.
 56. Суворов Иван Николаевич (1909–1942), с июня 1942 г. командир партизанского отряда, затем бригады «Чекист».
 57. Операция «Зимний лес» против партизан проходила с 27 декабря 1942 по 25 января 1943 г. в районе железной дороги Витебск-Невель-Полоцк. Осуществлялась частями 286-й охранной дивизии «Рихерт».
 58. Кондратенко Павел Петрович (1918–?), начальник разведки партизанского отряда «За Родину».
 59. Козак Тамара Викторовна, военфельдшер, пропала без вести в июле 1942 г., упоминается в Книге памяти Саратовской области.
 60. Балакин Вячеслав Александрович (1924–?). По личному листку по учету партизанских кадров, в Красную Армию не призывался, был военнопленным, в партизанский отряд прибыл из Бобруйска 600-го казачьего полка «РОА». С 6 июня 1943 по 5 июля 1944 г. состоял рядовым в отряде им. Сталина, действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
 61. Геббельс Йозеф (1897–1945), с 1933 г. имперский министр народного просвещения и пропаганды Германии.
 62. Бетин Михаил Григорьевич (1922–?). По личному листку по учету партизанских кадров, в начале войны служил в 622-м стрелковом полку. Попал в плен. В партизанский отряд прибыл из РОА добровольно 30 мая 1943 г. С 30 мая по 5 ноября 1943 г. состоял рядовым в отряде им. Сталина, с 5 ноября 1943 по 5 июля 1944 г. командир отделения. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
 63. Моисеев Виктор Ерофеевич (1921–?), партизан. По личному листку по учету кадров, во время войны служил в 9-м авиаполку, в плену не был. В партизанский отряд перешел добровольно из 600-го казачьего полка РОА 30 мая 1943 г. До 5 июля 1944 г. состоял в отряде им. Сталина рядовым, действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
 64. Полубояров Михаил Филиппович (1924–?), партизан. Пришел в партизанский отряд им. Сталина из 600-го казачьего полка РОА 30 мая 1943 г. Состоял рядовым до 5 июля 1944 г. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.

65. Михайлюк Илья Тихонович (1918–?), партизан. Во время войны служил в 471-м корпусном артиллерийском полку, попал в плен. В партизанский отряд им. Сталина перешел добровольно 30 мая 1943 г. Состоял рядовым до 5 июля 1944 г. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
66. Шевченко Илья Германович (1918–?), партизан. С начала войны служил в 239-м стрелковом полку, попал в плен. В партизанский отряд им. Сталина пришел 30 мая 1943 г. из Бобруйска, 600-го казачьего полка РОА. В отряде служил рядовым до 5 июля 1944 г., действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
67. Возможно, Лунин Зиновий Алексеевич (1922–?), партизан. Перешел в партизанский отряд им. Ленина 30 мая 1943 г., где состоял до 7 июля 1944 г. Действовал в Осиповичском районе Могилевской области.
68. По личному листку, Балакин вступил в отряд 6 июня 1943 г., а не 9 июня.
69. Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), генерал-лейтенант МВД СССР, советский разведчик, диверсант, в период Великой Отечественной войны возглавлял 4-е управление НКВД СССР, отвечавшее за организацию агентурной работы на территории Германии и ее союзников.
70. Шварцман Лев Леонидович (1907–1956), полковник госбезопасности (1943), в 1943–1951 гг. заместитель начальника следственной части по особо важным делам НКГБ.
71. Маклярский Михаил Борисович (1909–1978), полковник госбезопасности (1945), в 1943–1945 гг. начальник Второго отдела 4-го управления НКГБ, занимавшегося диверсионной и агентурной работой на оккупированной территории СССР.

Литература

- Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 748 с.
- Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 2. С. 376–399.
- Бэйда О.И. Русские эмигранты-переводчики вермахта на Восточном фронте. 1941–1943 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 183–190.
- Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: Солти, 2005. 614 с.
- Горинов-мл. М.М. Русские эмигранты в движении Сопротивления во Франции: современная российская историография // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. № 12. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 28–37.
- Дробязко С. И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2011. 832 с.
- Живанович М. Югославская научная литература об участии русских эмигрантов в движении Сопротивления // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. № 12. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 21–27.
- Между Россией и Сталиным: Русская эмиграция и Вторая Мировая Война / редкол. С.В. Карпенко, С.И. Дробязко, Е.Н. Евсеева и др. М.: РГГУ, 2004. 344 с.
- Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 479 с.
- Окороков А.В. Русская эмиграция: Политика, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 329 с.
- Сак К.В. Награждения участников движения Сопротивления в Бельгии в контексте публичной дипломатии СССР в годы холодной войны [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021114-4-1/> (дата обращения: 29.09.2024).
- Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).
- Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интрада, 2001. 270 с.

References

Aleksandrov, K.M. (2005). *Russkie soldaty vermakhta. Geroi ili predатели* [Russian Soldiers of the Wehrmacht. Heroes or Traitors]. Moscow, Yauza, Eksmo. 748 p.

Beyda, O.I. (2014). Russkie emigranty-perevodchiki vermakhta na Vostochnom fronte. 1941–1943 gody [Russian Emigrants-Translators of the Wehrmacht on the Eastern Front. 1941–1943 Years]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 4, pp. 183–190.

Brandenberger, D. (2023). Rol' nasiliya i falsifikatsii pri podgotovke protokolov doprosov epokhi stalinizma [The Role of Violence and Falsifications in the Preparation of Interrogation Protocols of the Stalinist Era]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 13, No. 2. pp. 376–399.

Czurganov, Yu.S. (2001). *Neudavshiysya revansh. Belaya emigratsiya vo Vtoroy mirovoy voyne* [Failed Rematch. White Emigration in World War II]. Moscow, Intrada. 270 p.

Drobyasko, S.I. (Eds.). (2004). *Mezhdru Rossiei i Stalinyim: Russkaya emigratsiya i Vtoraya mirovaya vojna* [Between Russia and Stalin: Russian Emigration and World War II]. Moscow, RGGU. 344 p.

Drobyazko, S.I., Romanko, O.V., Semenov, K.K. (2011). *Inostrantsy na sluzhbe natsizma: istoriya evropeyskogo kollaboratsionizma* [Foreigners in the Service of Nazism: A History of European Collaborationism]. Moscow, AST, Astrel, Kharvest. 832 p.

Goldin, V.I. (2005). *Rokovoy vybor. Russkoe voennoe zarubezh'e v gody Vtoroy mirovoy vojny* [Fateful Choice. The Russian Military Abroad during the Second World War]. Arkhangel'sk, Murmansk, Solti. 614 p.

Gorinov-m., M.M. (2023). Russkie emigranty v dvizhenii Soprotivleniya vo Frantsii: sovremennaya rossiyskaya istoriografiya [Russian Emigrants in the Resistance Movement in France: Modern Russian Historiography]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. Moscow, Dom russkogo zarubezhya imeni A. Solzhenitsyna. No. 12, pp. 28–37.

Okorokov, A.V. (2000). *Antisovetskie voinskie formirovaniya v gody Vtoroy mirovoy vojny* [Anti-Soviet Military Formations during the Second World War]. Dr. hist. sci. diss. Moscow. 479 p.

Okorokov, A.V. (2003). *Russkaya emigratsiya: Politika, voenno-politicheskie i voinskie organizatsii 1920–1990* [Russian Emigration: Politics, Military-Political and Military Organizations 1920–1990]. Moscow, Avuar Konsalting, 2003. 329 p.

Sak, K.V. (2021). Uchastniki dvizheniya Soprotivleniya vo Frantsii i sovetskaya nagradnaya diplomatiya (1955–1965 gody) [Participants in the Resistance Movement in France and Soviet Awards Diplomacy (1955–1965)]. In *Istoricheskiy kurer*. No. 3 (17), pp. 135–146. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (date of access 29.09.2024).

Sak, K.V. (2022). Nagrazhdeniya uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya v Belgii v kontekste publichnoy diplomatii SSSR v gody kholodnoy vojny [Awards of Resistance Movement Participants in Belgium in the Context of USSR Public Diplomacy during the Cold War]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 13, No. 4 (114). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840021114-4-1/> (date of access 29.09.2024).

Zhivanovich, M. (2023). Yugoslav'skaya nauchnaya literatura ob uchastii russkikh emigrantov v dvizhenii Soprotivleniya [Yugoslav Scientific Literature on the Participation of Russian Emigrants in the Resistance Movement]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. No. 12. Moscow, Dom russkogo zarubezhya imeni A. Solzhenitsyna, pp. 21–27.